

С. В. АЛПАТОВ
(Москва)

ВЕРСИИ НАРОДНОЙ БИБЛИИ В РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Понятие «народная Библия» включает в себя не только пересказы библейских сюжетов, использование библейских словесных клише, отсылки к прецедентным библейским контекстам или применение Библии в ритуальных практиках. Библия служит в традиционной культуре моделью для восприятия книги, письменного текста как такового и, наоборот, смысловая структура Библии мыслится носителями фольклора по образцу архетипических текстов фольклорной традиции. Этот глубинный план народной Библии продолжает определять структуру фольклорных текстов поздней формации и является актуальным коммуникативным кодом современной массовой культуры.

Ключевые слова: народная Библия, архетипические структуры, фольклор и массовая культура.

Проблема отображения Библии в русском фольклоре и традиционной культуре активно разрабатывается в последние два десятилетия в работах отечественных фольклористов, этнолингвистов, культурологов, искусствоведов¹. Многообразие описанных локальных традиций в сочетании с определенным единством выводов исследователей, независимо работающих над данной проблематикой, открывает пути к целостному осмыслению концептуального пространства обсуждаемой темы.

Первый, наиболее очевидный, аспект рассматриваемой темы — пересказы носителями фольклорной традиции оригинальных библейских текстов. Им посвящен комментированный свод «Народная Библия» [Белова 2004], мето-

¹ Достаточно упомянуть серию работ О. В. Беловой [Белова 2004], А. Б. Мороза [Мороз 2002; 2006], М. М. Каспиной [Каспина 2002; 2006], сопровождаемых обширной библиографией вопроса.

логически созвучный трудам польских [Zowczak 2000] и болгарских [Бадаланова 1999] этнолингвистов, а также исследования М. М. Каспиной о взаимодействии нарративных традиций при пересказах библейских сюжетов [Каспина 2006].

Второй аспект темы связан с функционированием прецедентных библейских топосов (сюжетов, мотивов, образов), а также прецедентных текстовых структур Библии (имен, речевых клише) в качестве риторического аргумента в споре и поучении², мотивировках бытового и обрядового поведения³, с одной стороны, и в структуре обрядовых и необрядовых фольклорных текстов (календарного фольклора, заговоров, духовных стихов, легенд, эсхатологических пророчеств⁴) — с другой стороны.

В исследованиях значения и функций библейского текста в структуре фольклорной традиции особо выделяется проблема отношения к Библии как к источнику сакральной информации в связи с практикой библиомантии, гадания по Библии [Вигзелл 2007; Мельникова 2006].

Перечисленные версии образа Библии в традиционной культуре относятся (если воспользоваться концептуальной схемой Э. Панофского⁵) к уровню *фактографии*, т. е. непосредственных связей «народной Библии» с библейским оригиналом.

Вместе с тем, восприятие Библии в народной среде как некоего единства — и в плане формально целого (в виде предметной реалии церковного и иного ритуального обихода), и в плане содержательного целого (как Священного Писания) — делает необходимым переход исследовательской рефлексии на уровень *иконографии* образа.

На этом уровне внутренняя структура народного образа Библии перестает

² См. подробнее: [Львов 2006].

³ См.: [Белова 2004, 379—388].

⁴ См.: [Юдин 1997; Толстая 1999; Родионова 2000; Никитина 2002а; Раудалайнен 2006; Мороз 2007].

⁵ Распространение методологии анализа живописного текста Э. Панофского на область словесного искусства обсуждается в: [Гинзбург 2003].

непосредственно соотносится с оригиналом, становится образом *священной книги вообще*, вместилищем сакральной информации, закрытой для профанов и, наоборот, открытой посвященным (ритуальным специалистам). В предельном случае Библия начинает использоваться не как источник информации, но как текст для перформативного чтения с целью получения магических способностей, вызывания духов или, наоборот, отчитывания проклятых⁶. Понимаемая и воспринимаемая именно таким образом «народная Библия» соотносится с корпусом фольклорных рукописных текстов магической природы, как Книга с «книжечками», Писание с «записочками»⁷.

На уровне *иконологическом* мы находим рассмотренные выше семантические и прагматические характеристики народной Библии возведенными в ранг абсолюта, эйдоса, вещи в себе. Речь идет, прежде всего, о Голубиной книге как образе, с *одной* стороны, предметно-вещественном («*долиною книга долгая, толщиною книга толстая; на руках ее держать не удержать*»), а с *другой* стороны, как архетипической модели Священного Писания, семантически непроницаемого («*читал Исая пророк 3 года — прочитал из книги 3 листа*») и одновременно покрывающего своим объемом всё Священное Предание, доступное носителям традиции «*по памяти как по грамоте*». Третий, прагматический, аспект также предполагает использование Голубиной книги как функциональной замены Библии, например в сектантской практике духовборцев, помещающих свою «Животную книгу» в жанровую нишу богослужебных текстов⁸.

Такого рода подмена фольклорным текстом — библейского текста, фольклорной структурой — библейской

⁶ См. подробнее: [Мельникова 2006, 282—287].

⁷ См.: [Мороз 2006, 267—268; Белова 2004б].

⁸ О типологических схождениях и генетических связях псалмов духовборской «Животной книги» со стихом о Голубиной книге и шире — с катехизическими текстами вопросно-ответной структуры см.: [Никитина 2002б, 328—329].

структуры, фольклорным образом «глубинной книги» — оригинального эйдоса Библии поддерживается по предположениям А. А. Архипова, реальными историко-культурными связями Голубиной книги и еврейской Торы [Архипов 1990], а по разысканиям В. Н. Топорова наличием у таких текстов, как Голубиная книга, книга Бытия, Речи Вафтруднира, Бундахишн единого текстового архетипа, соединяющего в себе ритуальный диалог вопросно-ответного типа, космологическое/космогоническое описание вселенной, и, как правило, числовую парадигму [Топоров 2004].

На последнем аспекте — наличии числовой последовательности как существенной структурной особенности народной Библии — стоит остановиться подробнее.

Если В. Н. Топоров реконструирует названную выше связку «космогония — вопросно-ответный диалог — числовая парадигма» для некоего исходного пратекста, то исследования С. М. Толстой, посвященные славянским текстам «Повести чисел» (АТУ 2010), показывают, что у самого широкого жанрового спектра текстов (от духовных стихов и заговоров до быличек и детских считалок) сохраняется не только библейская семантика в истолковании значения чисел, но и функциональный симбиоз религиозно-учительных и ритуально-магических функций, характерный для народной Библии в целом [Толстая 2006, 2007]. Тем самым, можно говорить о народной Библии как модели, программирующей структуру и функции фольклорных текстов даже в тех случаях, когда связь между фольклорным и библейским текстами не просто дистанцирована и опосредована, но и прямо не очевидна (латентна).

В качестве иллюстрации последнего положения рассмотрим подробнее еще одну версию народной Библии, незаслуженно обойденную вниманием исследователей. Речь идет о сюжете АТУ 1613 «Карты — мой календарь и молитвенник». Восточнославянский извод сюжета представлен в АТУ (следом за СУС 1613) одним белорусским и пятью русскими вариантами. К ним следует

добавить, во-первых, опубликованные, но не учтенные указателями тексты «О простоте шотландского солдата» [Курганов 1793, 272–273] и «Солдатская Библия» [Русский фольклор в Латвии 1980, 314–315 (№ 119)]; во-вторых, новый вариант⁹ и повторную запись¹⁰ из архива кафедры фольклора МГУ имени М. В. Ломоносова; варианты из рукописных коллекций ИРЛИ и БАН¹¹, а также публикуемый ниже фрагмент солдатского рукописного альбома 1904–1905 гг. Федора Николаевича Семушина¹².

«Однажды в немецкую кирку зашел русский солдат и смотрит, что там стоят все с книжкам в руках, но так как у салдата книжки не было, то он недолго думала [думая] вынул из кармана карты и начал тазовать. Увидал в это время солдата офицер одного же полка с ним. Он приказал солдату, чтобы он оставил это дело, но солдат не слушал и продолжал дальше. Вот, когда богослуж[е]ние кончилось, офицер заметил салдата и представил командиру полка. Камандир строго обратился к салдату и говорит: “Что ты скажешь в свое оправдание?”»

⁹ Зап. от Коровина Константина Григорьевича, 1892 г. р., в с. Милетьевское Каргопольского р-на Архангельской обл. (1962 г., т. 24, № 36) — опубликован в [Алпатов 2007].

¹⁰ Зап. от Рябова Федора Петровича, 1883 г. р., в д. Харлово Медвежьегорского р-на Карельской АССР (1957 г., т. 287, № 26). Первая фиксация анекдота «Про солдата» см. [Севернорусские сказки 1961, 65–66].

¹¹ Зап. от Семенова Философа Никитича, ок. 60 лет, на Мезени, в Белошелье, в 1928 г. — см. Опись сказочного собрания А. И. Никифорова, № 231 «Игральные карты вместо Библии» [Севернорусские сказки 1961, 373]; анонимные варианты [ИРЛИ 1792, л. 62–64], [БАН 1790, л. 213–214].

¹² Альбом Ф. Н. Семушина найден в 1997 г. участниками диалектологической экспедиции МГУ под руководством И. Б. Качинской в д. Ямская Гора Шенкурского р-на Архангельской обл., подготовлен к публикации И. Б. Качинской, А. В. Кулагиной и В. А. Ковпиком. В состав альбома входят традиционные лирические песни и сказки, а также песни литературного склада преимущественно на темы солдатской службы и любовно-эротические. В настоящей статье публикуется текст № 7 «Сметливой солдат» на интересующий нас сюжет АТУ 1613.

“Ваше высокоблагородие, я человек бедный, получаю жалование три денежки в день, Библию купить не в состоянии, а карты служат во всем”. — “Вы все плуты и бездельники, какую ты Библию нашел в картах?” — “Библию, так точно, Ваше высокоблагородие. Когда я вижу туза, мне напоминает Бога, когда я вижу двойку, мне напоминает два естества — божеское и человеческое; когда я вижу тройку, мне напоминает, что Бог в трех лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой. Когда я вижу четверку, мне напоминает четыре евангелиста: Матфея и Марка, Луку, Ио[а]н[н]а. Когда я вижу пятерку, мне напоминает, что у человека пять чувств; когда я вижу шестерку, мне напоминает, что Бог создал в шесть дней всё, что мы видим; когда я вижу семерку, мне напоминает, что в неделе семь дней; ког[д]а я вижу восьмерку, мне напоминает, что после Ноева потопа осталось восемь человек; когда я вижу девятку, мне напоминает девять ближних [блаженных] заповедей; когда я вижу десятку, мне напоминает десять заповедей господних, которые даны Моисеем на горе Сеона; когда я вижу даму, мне напоминает деву, которая ходила служить примудрому Соламану; когда я вижу короля, мне напоминает царя. В колоде двенадцать карт в хорошем одеяние — мне напоминает, что в году двенадцать месяцев. Когда я вижу в колоде 52 карты, мне напоминает, что в году 52 недели. В колоды 365 очков — мне напоминает, что в году 365 дней”. — “Хорошо, служивый, почему же ты мне не напомнул вальета?” — “Ваше высокоблагородие, вальет плут и бездельник, его и во святых нету! Он одного существа с этим офицером, который предстал меня к Вам”. Полковник салдата и похвалил, и деньгами наградил, и домой отпустил».

Подобно процитированному варианту все тексты этого сюжетного типа в центральной своей части представляют собой символическую интерпретацию числового ряда (от 1 до 12, реже до 16), носящую, как правило, библейский характер (один Бог, две скрижали завета, три патриарха, четыре Евангелия, пять мудрых дев / пять ран Христовых и т. д.), хотя за пределами восточнославянского

ареала имеются варианты истолкований и общекультурного свойства¹³.

Сюжет, безусловно, обнаруживает свое западноевропейское происхождение и тесно связан с культурной почвой и конфессиональными конфликтами эпохи Контрреформации. Принципиально важно, однако, что при адаптации на русской почве такие западные реалии, как личный молитвенник или катехизис, последовательно заменяются на Библию. И именно Библия, по мнению героя сюжета, обладает имманентной структурной связкой «число — смысл».

Концептуальная, образная и предметная метафора «карты — Библия», послужившая сюжетным каркасом для рассмотренного выше народного анекдота, фиксируется на протяжении XVIII—XX столетий в целом ряде весьма разноплановых текстов отечественной массовой культуры. Укажем лишь некоторые примеры.

Заголовки переводных (печатных и рукописных) фацетий XVIII века регулярно используют рифму «жарты — карты»:

*«Самые забавные жарты,
Охотно читать, как в карты играть»;
«Забавные жарты, только смеяцца,
не можеш, как в карты проигратца»;
«Увеселительные жарты,
будто французские карты.
Как охотно в них играть,
Так забавно жарты читать»*
[Malek 2000, 11].

В. И. Даль включает в свой словарь поговорку «*Читать книжку в 52 листа — играть в карты*» [Даль 1981, 255]; словари карточного, воровского и семинарского жаргона XIX—XX вв. стабильно включают позиции: «*Библия — карты*», «*молитвенник — колода карт*», «*святцы — колода карт*» [Анищенко 2007, 239; Вахитов 2007, 226; Клоченко 2006, 20–21; Приемышева 2009, 387]; в жаргоне школьников отмечены метафоры «*Книга живота, Книга скорби, Голубиная книга — кондуит, штрафной журнал*» [Анищенко 2007, 131];

¹³ Так португальский текст упоминает семь холмов Лиссабона, девять Муз и т. п. [Bolte 1901, 385].

криминальное чтиво активно задействует сравнения типа: «*Брат Гаутама Гауляйтер хрустнул карманной Библией, словно колодой карт*» (Алексей Смирнов. ЛЕНТА MRU), а на форумах напряженно дискутируют вопрос, являются ли знаки карточных мастей кошунственной пародией на орудия страстей Господних: «*крести — распятие, пики — копье, черви — губка, бубны — четырехгранные гвозди*»¹⁴.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что отображение Библии в русской фольклорной традиции имеет не только такие очевидные формы, как пересказы библейских сюжетов, использование библейских словесных клише, отсылки к прецедентным библейским контекстам или применение Библии в гадательной, обережной и иных магических практиках. Образ Библии служит в традиционной культуре моделью для восприятия книги, письменного текста как такового и, наоборот, внутренняя структура Библии мыслится носителями фольклора по модели архетипических текстов фольклорной традиции. Этот глубинный план народной Библии не только продолжает определять структуру фольклорных текстов поздней формации, но и служит фундаментальным мировоззренческим и коммуникативным кодом современной массовой культуры. Вместе с тем, конкретные (как серьезные, так и пародийные/пародические — в терминах Ю. Н. Тынянова) версии народной Библии в большой степени детерминируются социокультурной средой бытования «библейского текста»: старообрядческое начетничество, православная бурса и прицерковное (приходское) сообщество, провинциальные гимназисты, шулера и записные картежники, солдатская казарма и т. п. Подобное дифференцированное изучение форм и изводов народной Библии видится следующим этапом осмысления заявленной темы¹⁵.

¹⁴ Ср. гл. 36 «Крест карточный “трилистник”, копия, губка и гвоздь» в книге [История развития формы креста 1997, 36–39].

¹⁵ В развитие этой темы автором была опубликована статья [Алпатов 2009]. (*Примеч. редактора.*)

Литература

- Алпатов 2007 — *Алпатов С. В.* Европейские культурные модели и славянские народные традиции Нового времени // Российская славистическая фольклористика: пути развития и исследовательские перспективы. М., 2007. С. 107—110.
- Алпатов 2009 — *Алпатов С. В.* «Игральные карты — Библия»: фольклорная версия новоевропейского культурного кода // Живая старина. 2009. № 2. С. 5—6.
- Анищенко 2007 — *Анищенко О. А.* Словарь русского школьного наречия XIX века. М., 2007.
- Архипов 1990 — *Архипов А. А.* Голубиная книга: Wort und Sache // Механизмы культуры. М., 1990. С. 68—98.
- Бадаланова 1999 — *Бадаланова Ф.* Болгарская фольклорная Библия // Живая старина. 1997. № 2. С. 5—7.
- БАН 1790 — *Отдел рукописей* Библиотеки РАН СПб. 16.9.4. Сборник 1780—1790-х гг. Рукопись.
- Белова 2004а — *Белова О. В.* Восточнославянские этимологические легенды / сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004.
- Белова 2004б — *Белова О. В.* Как в деревне Арзубиха «кабалу писали» // Язык культуры: семантика и грамматика. М., 2004. С. 183—189.
- Вахитов 2007 — *Вахитов С. В.* Карточная терминология и жаргон XIX века. М., 2007.
- Вигзелл 2007 — *Вигзелл Ф.* Читая фортуны: гадательные книги в России (вторая половина XVIII—XX вв.). М., 2007.
- Гинзбург 2003 — *Гинзбург К.* От Варбурга до Гомбриха. Заметки об одной методологической проблеме // Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: морфология и история. М., 2003. С. 51—132.
- Даль 1981 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1981.
- ИРЛИ 1792 — *Отдел рукописей ИРЛИ* РАН СПб. Ф. 265. Оп. 3. № 9. «Книга называемая когда что попалося». 1792 г. Рукопись.
- История развития формы креста 1997 — История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии. М.: альманах «Жизнь вечная», 1997. (Издание воспроизведено на www.detection.ru/detection/info/crosses/history.html).
- Каспина, Мороз 2002 — *Каспина М. М., Мороз А. Б.* Библия в устной традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 160—175.
- Каспина 2006 — *Каспина М. М.* Феномен смешения различных традиций, возникающий при пересказах информантами библейских сюжетов // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб., 2006. С. 226—243. (Серия Studia Ethnologica, вып. 3).
- Клоченко 2006 — *Клоченко Л. Н.* Русская лексика карточных игр. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Курганов 1793 — *Курганов Н. Г.* Письмовник. Ч. 1. Присовокупление второе. СПб., 1793.
- Львов 2006 — *Львов А. Л.* Чтение Библии и риторика начетчиков (по материалам православных миссионеров конца XIX — начала XX в.) // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб., 2006. С. 53—69. (Серия Studia Ethnologica, вып. 3).
- Мельникова 2006 — *Мельникова Е. А.* Книга и чтение в устных свидетельствах крестьян Северо-Запада России // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб., 2006. С. 277—289. (Серия Studia Ethnologica, вып. 3).
- Мороз 2002 — *Мороз А. Б.* О фольклорности нефольклорного (евангельские события в восприятии современного крестьянина) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 31—42.
- Мороз 2006 — *Мороз А. Б.* К семантике слова «книга» в народной культуре: Книга как сакральный предмет // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб., 2006. С. 267—276. (Серия Studia Ethnologica, вып. 3).
- Мороз 2007 — *Мороз А. Б.* Календарь и народная квазиагиография // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 59—68.
- Никитина 2002а — *Никитина С. Е.* Библейские сюжеты у духоборцев // Живая старина. 2002. № 3. С. 12—14.
- Никитина 2002б — *Никитина С. Е.* Устная традиция духоборцев Джавахетии // П. Г. Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи. СПб., 2002. С. 321—343.
- Приемышева 2009 — *Приемышева М. Н.* Тайные и условные языки в России XIX в. Ч. 1. СПб., 2009.
- Раудалайнен 2006 — *Раудалайнен Т. К.* Функционалистская система или динамика речевых практик? (Пророчество в среде финноязычных крестьянок Ингерманландии) // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб., 2006. С. 244—265. (Серия Studia Ethnologica, вып. 3).
- Родионова 2000 — *Родионова И. В.* Имена библейско-христианской традиции в рус-

ских народных говорах. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Русский фольклор в Латвии 1980 — Русский фольклор в Латвии. Сказки / сост. И. Д. Фридрих. Рига, 1980.

Севернорусские сказки 1961 — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

Толстая 1999 — Толстая С. М. «Самарянка»: баллада о грешной девушке в восточно- и западнославянской фольклорной традиции // *W zwierciadle języka i kultury / pod red. J. Adamowskiego i S. Niebrzegowskiej*. Lublin, 1999. S. 58—81.

Толстая 2006 — Толстая С. М. Об одной числовой модели в фольклорных текстах // *Фольклор, постфольклор, быт, литература. Сборник статей к 60-летию А. Ф. Белоусова*. СПб., 2006. С. 12—19.

Толстая 2007 — Толстая С. М. «Повесть чисел» в южнославянской устной и письменной традиции // *Восток и Запад в балканской картине мира*. Памяти В. Н. Топорова. М., 2007. С. 214—226.

Топоров 2004 — Топоров В. Н. О числовых моделях в архаических текстах // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2004. С. 226—272.

Юдин 1997 — Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.

ATU — Uther H.-J. The Types of International Folktales. Part 1—3. Helsinki, 2004. (Folklore Fellows Communications; Vol. 133—135; № 284—286).

Bolte — Bolte J. Eine geistliche Auslegung des Kartenspiels // *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*. Berlin, 1901. Bd. XI. S. 376—406; Berlin, 1903. Bd. XIII. S. 84—88.

Malek 2000 — Malek E. Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII—XVIII веков. Т. 1. Lodz, 2000.

Zowczak 2000 — Zowczak M. Biblia ludowa. Interpretacje watkiw biblijnych w kulturze ludowej. Wroclaw, 2000.

Summary. The term Folk Bible includes retelling and citing of Biblical texts, allusions on certain Biblical fragments as well as use of the Book in fortunes telling or folk medicine. In the Russian traditional culture the Bible is an universal model for any kind of written or printed texts. At the same time in popular beliefs the immanent Biblical structure reproduces the most archaic word and number patterns. These archetypical schemes are actual mental frames and communicating codes of nowadays.

Key words: folk Bible, archetypical patterns, folk and mass culture.

О. В. БЕЛОВА
(Москва)

JEZUS FRASOBLIWIY И САТАНОВСКИЙ ПАН: ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ОДНОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО МОТИВА¹

Аннотация. Статья посвящена одному мотиву из области «изобразительного фольклора», который получил в народной повествовательной традиции западно-восточного славянского пограничья неоднозначную и во многом оригинальную трактовку. «Скорбящий Христос» (*Chrystus Frasoibliwy, Jezus Frasoibliwy, Frasoibliwy*) — одно из наиболее популярных скульптурных сакральных изображений, широко распространенное в католической традиции, на территории Польши и западной Украины. Фольклорные легенды, связанные с этим изображением, содержат народную интерпретацию евангельских сюжетов и образов, а также связаны с местной историей и конкретными историческими персонажами.

Ключевые слова: фольклористика, народная религиозность, «устная история», изобразительный фольклор, легенды.

Этот очерк посвящен одному мотиву из области «изобразительного фольклора», который получил в народной повествовательной традиции западно-восточного славянского пограничья неоднозначную и во многом оригинальную трактовку.

«Скорбящий Христос» (*Chrystus Frasoibliwy, Jezus Frasoibliwy, Frasoibliwy*) — одно из наиболее популярных скульптурных сакральных изображений, широко распространенное в католической традиции и на польских землях известное со времен средневековья. Это изображение в народно-религиозной культуре бытует в виде деревянной скульптуры или мелкой пластики. Оно представляет собой фигуру сидящего в задумчивости Христа, подпирающего склоненную голову правой рукой

¹ Работа выполнена в рамках программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных культурных и языковых общностей» (проект «Семантическая реконструкция народной духовной культуры славян»).